

О СУДЬБѢ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ РУССКОЙ

въ царствованіе императора Александра І-го.

(Изъ записокъ А. С. Стурдзы).

Разработка матеріаловъ для новѣйшей нашей исторіи день ото дня дѣлаетъ у насъ все большіе и большіе успѣхи. Религіознымъ движеніямъ эпохи императора Александра І въ нашей литературѣ посчастливилось даже настолько, что, независимо отъ сырыхъ матеріаловъ, напечатанныхъ въ разныхъ изданіяхъ, каковы Записки Шишкова (изданныя покойными священникомъ Морошкинымъ и Киселевымъ), Панаева (въ „Вѣстникѣ Европы“) Вигеля, Мертваго, Жихарева, Глинки, Дмитріева, архимандрита Фотія и др., мы имѣемъ уже нѣсколько капитальныхъ монографій, посвященныхъ критическому обслѣдованію собранныхъ фактовъ. Таковы „Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ царствованіе императора Александра І“—академика Сухомлинова, „Исторія перевода библіи на русскій языкъ“—И. А. Чистовича, „Общественныя движенія въ царствованіе императора Александра І“—г. Пыпина, „Новиковъ и московскіе мартинисты“—покойнаго Лонгинова. За всѣмъ тѣмъ, конечно, отнюдь нельзя сказать, чтобы этотъ интересный предметъ былъ настолько исчерпанъ въ нашей литературѣ, чтобы уже ничего болѣе не оставалось сдѣлать въ этомъ отношеніи. Не мало, конечно, интереснаго, относящагося къ этой эпохѣ, хранится въ архивахъ правительственныхъ учрежденій и частныхъ лицъ. Предлагая, съ своей стороны, вниманію читателя слѣдующіе за симъ матеріалы, мы думаемъ, что они не лишены интереса. Записки Стурдзы (изъ нихъ лишь незначительныя отрывки были напечатаны въ Херсонскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ): „О судьбѣ православной церкви русской въ царствованіе императора Александра І“, независимо отъ того своеобразнаго освѣщенія, которое они даютъ фактамъ обще-

извѣстнымъ, а равно оригинальной и замѣчательной личности своего автора, одного изъ видныхъ дѣятелей эпохи Александра I,—сообщаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько новыхъ данныхъ изъ нашей культурной исторіи начала настоящаго столѣтія.

Н. В.

Духъ западныхъ сеетъ, занесенныхъ къ намъ шведскими перебѣжчиками, потомъ учеными различныхъ націй, овладѣлъ мало по малу дѣйственнымъ воображеніемъ молодыхъ людей, заглянувшихъ неосторожно въ область суетумудрыхъ умозрѣній. При Екатеринѣ Второй масонство шло у насъ рядомъ съ новѣйшею французскою философіею, а мартинизмъ засѣлъ въ кругу самаго образованнаго общества, пріютился въ царскомъ дворцѣ, началъ пробираться въ самое святилище. Въ то время главные двигатели скороспѣлаго просвѣщенія—Новиковъ, Верещагинъ, Радищевъ, Поздѣевъ—своею скрытною дѣятельностію навлекли на себя подозрѣніе императрицы; она неблаговолила къ нимъ, слѣдила ихъ поступки, грозила ихъ замысламъ и останавливала, по временамъ, тревожную ихъ предпримчивость. Однако, не опиралась-ли она сама на острый мечъ? Прилично-ли было ей, поблажавшей безвѣрію, ополчаться такъ строго противъ изувѣрства и лжеученія? Пагубное вліяніе на общественные нравы блистательнаго двора ея не подрывало-ли глубокихъ основъ христіанской вѣры и жизни въ цѣломъ государствѣ? Наконецъ, самое воспитаніе любимаго внука ея, вѣренное честному, но слабоумному послѣдователю французской философіи, не готовило-ли отечеству новыхъ опасностей? Императоръ Александръ I всю жизнь оплакивалъ недостатки своего воспитанія... Ему надлежало двадцать пять лѣтъ бороться съ духами злобы, чтобы спасти отъ нихъ свою душу и свое царство.

Еще до вступленія Александра на престолъ, Провидѣніе ущедрило Россію тремя великими іерархами: то были: Платонъ, Евгений Вулгарисъ и Θεοτοкій. Платонъ прямо изъ отрочества перешелъ въ монашество, былъ законоучителемъ Павла Петровича и живымъ упрекомъ для безбожныхъ гостей, пріѣзжавшихъ къ намъ изъ Франціи. При восшествіи на престолъ Павла, онъ чуть-было не разсорился съ своимъ питомцемъ за возложенный на него орденъ Андрея. Обиженный отказомъ Платона, государь, выслушавъ возраженія его, перебилъ его рѣчь, и, пославъ ему рукою поцѣлуй, сказалъ: „прощайте, съ вами не сговорись!“ Платонъ, какъ двигатель возрождающагося въ Россіи духовнаго просвѣщенія, а Евгений и Никифоръ (также св. Тихонъ) своими пастырскими доблестями много утѣшили церковь, и, можетъ быть, отвратили ея паденіе среди вѣка, равно строптиваго и развра-

щеннаго. Но возможно-ли было немногимъ пловцамъ устоять противъ потока нововведеній, противъ коварныхъ усилій лжеученія и зломыслия? Оно отовсюду обступило юнаго Александра, который ничѣмъ не обладалъ въ защиту свою и своего царства, кромѣ врожденныхъ побужденій прекрасной души... Первые годы его царствованія ознаменовались многими благодѣянiями русскому народу, удивительнымъ искусствомъ, съ которымъ юный Александръ сумѣлъ отклонить отъ себя влiянiе вельможъ, столько же ненасытныхъ, сколько и честолюбивыхъ. Фонъ-деръ-Паленъ и Зубовъ удалены; тысячи ссыльныхъ возвращены въ нѣдра семействъ; исключенные изъ службы двѣнадцать тысячъ человѣкъ вступили въ прежнiя права; учрежденъ классъ вольныхъ хлѣбопашцевъ, поощрено отпущенiе на волю крѣпостныхъ, издана книга Анастасевича о личной свободѣ крестьянъ... въ сожалѣнiю, жестоко показалось слово сіе: подняли дружный ропотъ и вопль,—и благонамѣренное сочиненiе исчезло.

Надлежало Александру прожить и претерпѣть первые годы своего царствованія безъ высшаго путеводителя, безъ пособій вѣры... Отъ Лагарпа любимецъ Екатерины могъ перенять одну естественную религію; при каждомъ взглядѣ на дворъ и столичный большой свѣтъ, онъ видѣлъ одни соблазнительные примѣры смѣлаго разврата и хитраго лицемерія. Взаимная недовѣрчивость между бабкою его и отцомъ приучила Александра носить личину и притворствоваться по необходимости для защиты самого себя. Съ 1802 по 1812 годъ, около него толпились молодые царедворцы, въ которыхъ онъ не находилъ опоры: Чарторижскій, Н. Новосильцевъ и князь А. Н. Голицынъ преданы были ему лично, однако не умѣли держаться на высотѣ. Устранивъ всѣ политическія соображенія, я займусь церковью...

Изъ камеръ-пажей Екатерины и камергеровъ Павла, Голицынъ былъ вдругъ возведенъ въ оберъ-прокуроры св. синода, не зная самъ, какъ довелось ему войти въ святилище и въ завѣтную область христіанскихъ идей. Несмотря на жалкіе недостатки свѣтскаго образованія, на скудость познаній и прежнюю крайне-разсѣянную жизнь, Голицынъ, по какому-то чувству приличія, остепенился, принялся за трудъ, отказался отъ суетныхъ забавъ, началъ обуздывать колючесть языка, бросилъ кощунство и перемѣнилъ всѣ наружныя приемы. Онъ засталъ церковь въ какомъ-то страшномъ оцѣпененіи, не могъ даже подозрѣвать въ нѣдрахъ ея существованія непріязненныхъ силъ и духовъ, въ тайнѣ посягавшихъ на нее. Митрополитъ Платонъ доживалъ вѣкъ свой въ Москвѣ, межъ тѣмъ, какъ въ сѣверной столицѣ стояли на свѣщникѣ митрополитъ Амвросій и блестящій умомъ Теофилактъ, равно неспособные вникать въ самую сущность вещей и

ревнуя поревновать о достояніи Господнемъ. Амвросій былъ ученъ и тяжелъ, Теофилактъ переводилъ, между прочимъ, Бозѣція. Прочіе члены синода двигались по колесъ духовнаго регламента и грозныхъ преданій вѣка Петрова. Тѣмъ временемъ масонскія ложи, мартинисты и лжемистики временъ Екатерины тѣсно смыкали свои ряды и тайно готовились въ болѣе открытому нападенію на церковь. Она стояла одиноко, лишенная надежныхъ вождей, въ плачевномъ разъединеніи съ царемъ и обществомъ и въ тѣмъ болѣе опасности, что, кромѣ недруговъ ея—мистиковъ, подрывали ее съ противоположной стороны іезуиты, недавно вравшіеся въ столицу. Это случилось въ царствованіе Павла I съ помощію литовскаго богача Маннуци, который исходатайствовалъ для іезуитовъ обладаніе католическою церковью, отнятою по проискамъ отъ бѣлаго духовенства. Такимъ образомъ, прощърство и неосторожность довели господствующую церковь до того, что въ сердцѣ ея іезуитская collegія, какъ бойница, стала привлекать къ себѣ всю молодежь боярскую, межъ тѣмъ, какъ съ другой стороны, подъ завѣсою тайны, религіозные анархисты подкапывались подъ основу зданія нерукотвореннаго. Съ согласія князя Голицына, стали они издавать „Сіонскій Вѣстникъ“. Главный редакторъ, Лабзинъ, принялъ, на первыхъ порахъ, вымышленное имя. Стали выходить замѣчательныя статьи—оригинальныя и переводныя,—всѣ духовнаго содержанія, съ прикрасою учености, но безъ объявленія какой-бы то ни было положительной цѣли. Это изданіе, первое въ своемъ родѣ на Руси, приобрѣло множество читателей и продолжалось около двухъ лѣтъ, при громѣ шумныхъ рукоплесканій. Нельзя было князю Голицыну собственными силами разгадать „Сіонскій Вѣстникъ“; а іерархи молчали или отзывались о „Вѣстникѣ“ съ робостію. Не знаю, кто выступилъ обличителемъ; знаю только, что кто-то настраивалъ добраго князя, и онъ тотчасъ запретилъ дальнѣйшее изданіе журнала, по меньшей мѣрѣ двусмысленнаго.

Настала година борьбы съ Наполеономъ. Послѣ многихъ неудачъ принятой нами оборонительной системы, войска наши отступили къ Москвѣ. Кутузовъ отдалъ ее французамъ, между арміей и столицей на нѣкоторое время сношенія прекратились. Въ сія-то ужасные дни обуреванія душевнаго Александръ въ первый разъ ухватился за евангеліе, и слово Господне, какъ мечъ обоюдоострый, коснулось внутренняго его челоуѣка и переродило его. Весьма замѣчательно, что обращеніе Голицына немногимъ предшествовало обращенію Александра. Въ то же самое время вмѣстѣ съ русскимъ народомъ воспрянуло отъ долгаго сна духовенство наше и получило новыя способы къ достиженію духовной образованности. Трудами Сперанскаго учреж-

дены и преобразованы одна за другою духовныя академіи, на которыя князь Голицынъ смотрѣлъ, какъ на загадочныя созданія незнакомой ему современной учености. Какое странное и поучительное явленіе! Къ Голицыну, какъ христіанину по сердцу и воображенію, пристали всѣ мистики, мартинисты и прочіе мечтатели въ области религіозной. Съ Сперанскимъ, полухристіанскимъ философомъ и смѣлымъ нововводителемъ, сдружились германскіе неологи, надѣясь овладѣть церковію посредствомъ школы. Сперанскій уже былъ сосланъ, а въ нашихъ школахъ господствовали суетные пришельцы, которые направили ученіе будущаго православнаго духовенства по стропотному пути, проложенному германскими факультетами. На кафедрахъ воцарилась необузданная герменевтика и критика. Бывшій начальникъ всѣхъ масонскихъ ложъ въ Германіи, Фесслеръ, первый основалъ у насъ преподаваніе еврейскаго языка, а потому, естественнымъ образомъ, молодежь бросилась раскапывать источники какой-то очищенной религіи, которую прикрывали до времени мантиею православія. Съ другой стороны, заматорѣлые въ мартинизмъ Р. А. Кочелевъ, Г. Плещеевъ, Лабзинъ и проч. успѣли совершенно овладѣть умомъ и волею добраго оберъ-прокурора. Съ 1812 по 1816 г., между тѣмъ какъ Александръ довершалъ умиротвореніе западной Европы, начало тайкомъ пробираться къ намъ новорожденное въ Англіи Библейское общество. Дома у себя оно было предметомъ ненависти и подозрѣній церкви англиканской, съ которою боролось въ союзъ съ тамошними диссентерами. У насъ, напротивъ, первые агенты Библейскаго общества приняты были съ восторгомъ. По образцу и точной мѣркѣ англійскаго общества поспѣшили основать у насъ „Россійское библейское общество“—самый рабскій сколокъ, безъ всякаго примѣненія къ уставамъ и потребностямъ русской церкви. Князя Голицына обступили многорѣчивые защитники безусловнаго распространенія слова Божія на всѣхъ языкахъ, мимо всякаго церковнаго надзора и съ устраненіемъ всѣхъ вообще истолкованій на божественный текстъ. Шумѣли, увѣряли, что въ идеѣ Библейскаго общества—новое изліяніе св. духа на всяку плоть, что съ помощію одной книги можно будетъ христіанству расторгнуть обветшалыя пелены, обойтись безъ церкви и достигнуть соединенія въ духъ и истинѣ. Первымъ шагомъ къ цѣли было приглашеніе въ составъ общества духовныхъ сановниковъ всѣхъ исповѣданій, подъ предсѣдательствомъ самого Голицына и подъ секретарствомъ В. М. Попова, у котораго духъ секты жалкимъ образомъ омрачилъ слабый разсудокъ. Всѣмъ памятно, съ какою быстротою такъ называемое библейское дѣло воплотилось у насъ на Руси въ видѣ мѣстныхъ библейскихъ отдѣленій, распространявшихъ наперерывъ

слово Божіе по слову и мановенію человѣческому. Около того же времени воскресъ и „Сіонскій Вѣстникъ“ съ подписью имени Лабзина, безъ всякаго участія духовной цензуры. Опять странное и поучительное явленіе: разсадники пастырей отданы подъ надзоръ германскимъ неологамъ, отвергающимъ краеугольный камень христіанства, а необъятную всероссійскую паству подчинили вліянію англійскому и кальвинскому, забывъ, что въ Россіи существуетъ церковь. И она, тѣснимая отовсюду іезуитами, неологами, мистиками, чуть было не впала въ крайнее самозабвеніе и уныніе. Ибо всякое общеніе съ восточною колыбелью нашей вѣры прекратилось, а внутри государства—что шагъ, то новая напасть и новый признакъ ужаснѣйшаго смѣшенія понятій. Безъ сомнѣнія, церковь не устояла бы въ такой неравной борьбѣ, если бы, по счастью, то есть по волѣ Божіей, не возгорѣлась тогда война между нашими навѣтниками.

Партія іезуитовъ громко обличала насъ въ отпаденіи на сторону безначальной реформаціи; а неологи и мистики, дѣйствуя заодно, нападали на іезуитовъ и доносили на нихъ правительству. И въ самомъ дѣлѣ, предпримчивость іезуитовъ возрастала со дня на день. Сардинскій посланникъ графъ де-Местръ служилъ имъ ораторомъ при дворѣ и въ высшемъ кругѣ общества. Начались явныя совращенія нашихъ боярычей, питомцевъ іезуитской коллегіи; во всѣхъ гостинныхъ витійствовали знатныя дамы въ пользу латинства; однимъ словомъ, горькіе плоды столѣтняго превратнаго воспитанія созрѣли и обнаружились. Тогда-то иностранные противники іезуитовъ лицемѣрно ударили въ набатъ; синодъ и дворъ, и оберъ-прокуроръ встрепнулись. Молодому архимандриту Филарету задали на-скоро урокъ написать тотчасъ опроверженіе латинскихъ притязаній и догматовъ, что выполнилъ онъ превосходно. Вслѣдъ за уликою и словопрениемъ, приняты понудительныя мѣры. Запретили на первый разъ іезуитамъ принимать въ свою коллегію православныхъ, и, немного спустя, выслали ихъ изъ обѣихъ столицъ. Однако, отъ такихъ предосторожностей мало было пользы для праваго дѣла, ибо въ самой Невской академіи возникло разномысліе—всегдашній вѣрный спутникъ ложной науки. Ректоръ Филаретъ обличалъ Теофилакта въ неудачномъ и вредномъ выборѣ задаваемыхъ имъ въ академіи переводовъ изъ Ансильона и другихъ иностранныхъ писателей. Фесслера, какъ волка въ одеждѣ овчей, удалили изъ академіи и услали въ Саратовъ. Мистицизмъ очевидно бралъ верхъ надъ германскою ученостію и, опершись на Библейское общество, торжествовалъ побѣду свою надъ разнородными противниками. Кромѣ „Сіонскаго Вѣстника“, мистики работали день и ночь надъ переводомъ современныхъ духовныхъ сочиненій въ ихъ

духѣ. Тогда-то градомъ посыпались на святую Русь разноцвѣтныя творенія подъ самыми странными названіями... Яковъ Бемъ, С. Мартенъ, Эккартсгаузенъ, Юнгъ Штиллингъ, выдаваемы были за великихъ учителей. Мистики, управлявшіе совѣстію Голицына, заключили съ Библейскимъ обществомъ тѣснѣйшій союзъ, не только оборонительный, но и наступательный. Тогда же разосланы по всей Россіи вѣстники библейскаго дѣла, заѣзжіе къ намъ англичане, между которыми извѣстный Пиккертонъ занималъ первое мѣсто. Ему поручили объѣзжать почти всѣ епархіальные города, имѣть совѣщанія съ мѣстными архіереями, требовать у нихъ отчета въ успѣхахъ распространенія слова Божія и, въ случаѣ надобности, побуждать ихъ къ новой дѣятельности. Само собою разумѣется, что Пиккертона большею частію принимали съ подобострастіемъ; рѣдко гдѣ попадался ему самостоятельный христіанинъ, съ твердымъ убѣжденіемъ. А въ иныхъ мѣстахъ, послѣ обычныхъ библейскихъ засѣданій, на которыхъ Пиккертонъ предписывалъ законъ, къ нему подходили тайкомъ и пожимали ему руку нѣкоторые лжебратья изъ духовенства, которые, будучи смѣтливѣе толпы, предугадывали всю обширность и глубину затѣваемаго церковнаго переворота. И подлинно, хотя съ одной стороны усилія сдѣлать библію доступною каждому христіанину представлялись полезными и похвальными, съ другой, однако же, упорство, съ какимъ общество отвергало всякое законное истолкованіе текста и размножало изданія и переводы мимо всякаго надзора іерархіи, не обличало-ли коварное стремленіе къ разрушенію всякаго чина и порядка въ составѣ православной церкви? Безпристрастный наблюдатель, ни чуть не вдаваясь въ крайность, проповѣдуемую Римомъ, долженъ былъ однако же сознаться въ томъ, что новое на Руси „Библейское общество“ влекло всѣхъ и каждого прямою дорогою на сторону протестанства. Обаяніе умовъ было сильное, заразительное даже для здравомыслящихъ людей. Сколько я зналъ такихъ, которые тогда вѣрили безусловно поплывъ возгласамъ и общаніямъ библейцевъ и опомнились только гораздо позже! Напрасно римскій престолъ, бывшій въ разладѣ съ нашимъ правительствомъ, громилъ выговорами и угрозами митрополита Сестренцевича за его участіе въ библейскомъ обществѣ; правительство наше горячо вступилось за ученаго и гибкаго старца, угождавшаго образу мыслей, въ то время господствовавшему. Я служилъ тогда по дипломатической части при кабинетѣ императора; мнѣ доводилось вести переписку съ римскимъ дворомъ и защищать Сестренцевича противъ уликъ кардинала Конзальви; но, дѣлая свое дѣло, я никакъ не могъ согласиться съ восторженнымъ взглядомъ на Библейское общество тогдашней мистической шайки. Дерзнувъ, выска-

залъ я свое мнѣніе начальникамъ, и мнѣ позволили, для уясненія сбивчивыхъ понятій, помѣстить въ русскихъ вѣдомостяхъ статью о библейскомъ дѣлѣ—безъименную. Въ ней повторялись главныя мысли нашей дипломатической переписки съ Римомъ, одобренной Каподистріей и самимъ государемъ. Надлежало опредѣлить существенное различіе между Библейскимъ обществомъ и церковію: для сего я назвалъ первое арсеналомъ или оружейной палатой, въ которой прилежные работники куютъ вещественный мечъ слова Божія, но владѣть симъ мечомъ предоставляютъ воинамъ Христовымъ. За такое сравненіе, смѣю сказать, точное и мѣткое, безпристрастные благодарили меня, противники—бравили. Не обрѣлъ я благодати предъ ними по разнымъ причинамъ. Во-первыхъ, моя книга „*Considerations sur la doctrine et l'esprit de l'Eglise orthodoxe*“, хотя и направленная противъ іезуитовъ, все-таки не нравилась скрытымъ врагамъ нашей церкви; во-вторыхъ, окаянное упорство мое въ устраненіи себя отъ всякаго участія въ большомъ обществѣ, несмотря на добродушныя внушенія князя Голицына, накликивало на меня всю ненависть зазнавшихся мечтателей. Напримѣръ, Лабзинъ, не зная меня лично, увѣрялъ, что даже баба (онъ разумѣлъ писательницу Хвостову) легко опровергла мое сочиненіе. А старый царедворецъ Р. А. Кошелевъ, совѣтникъ и руководитель князя Голицына, хотя и ласкалъ меня по наружности, однако отчаявался въ моемъ вразумлѣніи. Приступили, наконецъ, къ русскому переводу Новаго Завѣта, къ дѣлу благословенному, но едва-ли избыточному безъ особеннаго озаренія свыше. Составили комитетъ, въ которомъ Лабзинъ усѣлся рядомъ съ митрополитомъ Михаиломъ, ректорами Филаретомъ и Иннокентіемъ и другими сановниками церкви. Переводы заданы и розданы по частямъ лицамъ постороннимъ. Между тѣмъ, президентъ Библейскаго общества отправилъ въ Лондонъ секретаря В. М. Попова, съ порученіемъ подружить и сблизить наше русское общество съ англійскимъ, т. е. послушную дочь съ заботливою матерью. Лордъ Тенгмутъ, предсѣдатель общества въ Англіи, принявъ Попова съ великою честью, ввелъ въ собраніе, обласкалъ его и, разумѣется, пировалъ съ нимъ и духовно, и тѣлесно. Англійскіе ревнители слова Божія хорошо вѣдали, что творили. За то посланникъ нашъ Поповъ въ сношеніяхъ съ ними младенчествовалъ умомъ и возвратился къ намъ съ привѣтствіями оттуда, съ наказомъ и новымъ восторгомъ. Докладывая въ собраніи общества о своемъ посольствѣ, добрый Поповъ безъ всякаго умысла сравнивалъ себя съ Моисеемъ, и выпавшій ему жребій—съ жребіемъ Боговидца. Напечатали въ газетахъ рѣчь его, въ которой пестрѣли тексты: „не доблорѣчивъ есмь, Господи, и косноязыченъ, послѣ иного“, и т. п.

Среди господствовавшего въ то время обаянія умовъ, недальновидныхъ и разностороннихъ расчетовъ духовнаго властолюбія нѣкоторыхъ самозванцевъ, негодовали тайно и работали въ тиши своихъ келій немногіе ревнители православія, готовые сильнѣйшій отпоръ нашествію заморскихъ ученій. По мѣрѣ возраставшей смѣлости Лабзина въ изданіи „Сіонскаго Вѣстника“, одинокіе мыслители собирались къ бою. Но у нихъ не доставало мужества, или же затруднялись они въ приступѣ къ дѣлу, потому что не имѣли никакихъ отношеній къ сильнымъ земли. Изъ нихъ самый искренній, самый основательный и вмѣстѣ благочестивый князь Сергѣй Александровичъ Шихматовъ (въ послѣдствіи іеромонахъ Аникита), къ счастью, былъ мнѣ знакомъ, и я постоянно благоговѣлъ предъ христіанскою доблестію души его. Онъ то, проживая въ глуши и создавъ себѣ какъ бы монастырь на Васильевскомъ островѣ, въ стѣнахъ Морскаго корпуса, гдѣ служилъ ротнымъ командиромъ, сблизился со мною совершенно случайно, при купели восприемлемаго имъ младенца. Съ тѣхъ поръ мы видались изрѣдка, но и заочно довѣряли другъ другу. Однажды Шихматовъ явился ко мнѣ неожиданно, и тотчасъ завелъ разговоръ о новыхъ духовныхъ переводахъ и „Сіонскомъ Вѣстникѣ“, началъ похристіански укорять меня за то, что я молчу, не вступаю съ дѣломъ Божіе. Напрасны были всѣ оправданія мои. Онъ настаивалъ и требовалъ отъ меня дѣйствія.

— Вотъ вамъ готовый критическій разборъ самыхъ вредныхъ статей „Сіонскаго Вѣстника“. Это трудъ Смирнова, въ Москвѣ, затворника, мало кому извѣстнаго ¹⁾. Вы знаете, что печатать подобныя возраженія при нынѣшней ценсурѣ невозможно, да и мало было бы отъ этого пользы. Займитесь же этою рукописью, сличите ее съ №№ „Сіонскаго Вѣстника“, которые я привезъ вамъ, и сами рѣшите: должно-ли долѣе терпѣть такія нападенія на святую истину и святую церковь? Вы напрасно отговариваетесь тѣмъ, что не читали „Сіонскаго Вѣстника“; какъ грѣшно иному читать, такъ вамъ грѣшно не читать его“.

Съ тѣмъ мы разстались. И подлинно, чтеніе рукописи вмѣстѣ съ обличаемыми статьями скоро убѣдило меня въ справедливости увѣщаній Шихматова. Пользуясь благорасположеніемъ ко мнѣ князя Голицына, который ввелъ меня въ различныя должности по министерству просвѣщенія, я имѣлъ къ нему свободный доступъ; но я зналъ, что

¹⁾ См. о немъ въ сочиненіи А. Н. Пыпина: «Общественное движеніе въ царствованіе императора Александра I». «Вѣстникъ Европы» 1868 г., ноябрь, стр. 242 и слѣд.

лжемистики и лицемѣры обступали отсюда добраго вельможу, тѣснили его, употребляя во зло его смиренномудріе. Надлежало обдумать планъ наступательныхъ дѣйствій. Я рѣшился начать письменно, а потомъ довершить дѣло устною бесѣдою. Чтобы овладѣть сперва слабѣйшими пунктами, я написалъ князю прямой обвинительный актъ противъ двухъ переводовъ Лабзина: „Таинства“ и „Побѣдной повѣсти“. Здѣсь выписками доказывалъ я, что переводчикъ виновенъ не только за переводъ книгъ, враждебныхъ церкви, но еще болѣе за то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ усилилъ и преувеличилъ выраженія подлинниковъ.

Сими выписками я убѣждалъ князя въ необходимости положить конецъ соблазну, которому цензура, очевидно, потворствовала. Голицынъ былъ пораженъ,—внялъ голосу моему, или, точнѣе, голосу истины, запретилъ перепечатку изболѣченныхъ книгъ, и тѣмъ доказалъ мнѣ, что ошибался дотолѣ неумышленно. Меня ободрилъ неожиданный успѣхъ. Я тотчасъ просилъ у князя аудіенціи. Мнѣ назначили день и часъ. Я вошелъ въ просторный кабинетъ его съ кипой тетрадей и журналовъ. Мы успѣли и чтеніе началось. Князь любилъ и умѣлъ читать вслухъ. Каждая страница Смирнова повѣряема была подлинными статьями. Министръ горячо вступался за мысли Лабзина, старался придавать имъ благопріятный смыслъ; но преткновенія частъ отъ часу становились виднѣе и опаснѣе. Смирновъ обличалъ, а я—настаивалъ. Наконецъ, дошли мы до одного мѣста, гдѣ Лабзинъ извращалъ значеніе и силу таинства евхаристіи, дерзко основываясь на словахъ Спасителя: „слова мои духъ суть... плоть не пользуется ничесомъ“. Здѣсь Голицынъ прямо сознался въ своемъ заблужденіи и пересталъ защищать своего любимца. Чтеніе, продолжавшееся болѣе трехъ часовъ, остановилось на этомъ самомъ мѣстѣ. Князь былъ смущенъ, а я внутренно удивлялся его самоотреченію, зная, что цензуру „Сіонскаго Вѣстника“, въ угодность кичливому и коварному издателю, онъ неосторожно предоставилъ самому себѣ. И такъ, я поневолѣ ударялъ знаменитаго сановника въ ланиту, а онъ смиренно подставлялъ мнѣ другую...

— Вы правы, — сказалъ князь, — я виноватъ тѣмъ, что принялъ на себя занятіе, несовмѣстное съ моими обязанностями. Но скажите, какъ теперь этому помочь? Давно-ли правительство провозгласило Лабзина первымъ духовнымъ писателемъ въ Россіи, пожаловавъ ему орденъ Владиміра второй степени? Нельзя вдругъ запретить ему писать, тѣмъ паче, что я почитаю его сочинителемъ отличнымъ и полезнымъ, погрѣшающимъ ненамѣренно.

— Не смѣю оспаривать вашего мнѣнія, князь, хотя думаю о Лабзинѣ совсѣмъ иначе, но осмѣливаюсь предложить вамъ средство

самое вѣрное для узнанія истины; оно прекратитъ соблазнъ и вмѣстѣ оградитъ честь и достоинство правительства.

— Договорите скорѣе...

— Какъ угодно—вотъ мой секретъ: не угодно-ли будетъ вашему сіятельству, съ вѣдома и соизволенія государя, объявить формально Лабзину, что впредь поставляется ему въ обязанность обратиться съ изданіемъ „Сіонскаго Вѣстника“ въ духовную цензуру установленнымъ порядкомъ? Если онъ безъ ропота покорится законному распоряженію, то ваше выгодное мнѣніе о немъ будетъ оправдано. Напротивъ, если онъ станетъ отказываться и роптать, то злонамѣренность его обнаружится во всей наготѣ своей.

Князь остался довольнымъ моею дилеммою; на ней мы разстались. Онъ, не медля, написалъ офиціально Лабзину, что не имѣетъ времени далѣе заниматься цензурою его журнала—и вмѣгъ предчувствія мои сбылись. Надменный Лабзинъ вспыхнулъ, и забылся до того, что отозвался министру самымъ грубымъ и рѣзкимъ образомъ, отказываясь отъ изданія „Сіонскаго Вѣстника“, и притомъ объявивъ, что рѣшительно не пойдетъ на судъ къ тѣмъ людямъ, которые затворяютъ дверь царствія небеснаго, сами не входятъ и другихъ не пускаютъ туда.

Такимъ образомъ опять не стало „Сіонскаго Вѣстника“. Его владычество надъ слабыми умами прекратилось. Лжемистики скрежетали на меня и нападали на добраго князя съ безпримѣрною наглостію и упорствомъ. Если бы опрометчивость Лабзина не испортила общаго дѣла, они, безъ сомнѣнія, успѣли бы отразить снова нанесенный имъ ударъ, и „Вѣстникъ“, вѣроятно, ожилъ бы подъ другимъ названіемъ. Но допущенный свыше нечаянный случай разрушилъ замыслы враговъ церкви чуть-ли не навсегда. Законоучитель Морскаго кадетскаго корпуса, іеромонахъ, котораго имя я запомнилъ, вошелъ однажды въ церковь, ему ввѣренную, предъ литургіею, и въ какомъ-то странномъ изступленіи бросился къ иконамъ, сталъ колотъ ихъ ножомъ, изрѣзывать безъ пощады, искажать святыя лики, словно иконоборецъ или мусульманинъ въ одеждѣ иноческой. Его схватили, отправили къ митрополиту на судъ, гдѣ не замѣтили въ немъ никакихъ слѣдовъ помѣшательства. Въ лаврѣ допрашивали его, и, наконецъ, дознались, что этотъ несчастный съ нѣкотораго времени принадлежалъ тайно къ обществу, въ которомъ первенствовалъ Лабзинъ. Опутанный сѣтями суетумудрія, злополучный впалъ въ горькую лѣсть и напоился нечистаго духа до упоенія. Святотатственный поступокъ его былъ первымъ плодомъ совращенія его на путь гибели. Внутренняя борьба угрызаемой совѣсти съ омраченнымъ умомъ произвела въ немъ минутное сума-

сшествіе. Онъ довольно скоро опомнился и горько оплакалъ свое паденіе въ отведенной ему пустынной кельѣ. Такое событіе естественно остановило всѣ домогательства въ пользу Лабзина, между тѣмъ, какъ новое министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія всячески старалось скрыть случившійся соблазнъ. Благонамѣренный, но слишкомъ довѣрчивый къ своимъ друзьямъ, князь Голицынъ съ тѣхъ поръ сдѣлался осторожнѣе, а ревнители—не по разуму смѣлѣе и предприимчивѣе. Они вздумали издавать свои книги, дабы воспользоваться одержанною не ими побѣдою.

Между ними простодушный Петръ Андреевичъ Кикинъ, бывший тогда статсъ-секретаремъ у принятія прошеній, рѣшился выступить на поле духовной брани. Императоръ Александръ зналъ и уважалъ его, какъ крутого старовѣра, съ которымъ государь входилъ даже въ пренія во время его докладовъ. Кикинъ самъ однажды рассказывалъ мнѣ, что когда-то между царемъ и докладчикомъ зашла рѣчь о призваніи святыхъ. Царь, по недоразумѣнію-ли, или потому, что хотѣлъ испытать умственные силы своего статсъ-секретаря, предлагалъ ему обычныя возраженія. Кикинъ стоялъ грудью за православный догматъ, и постоянно твердилъ:

— Помилуйте, государь, что тутъ богопротивнаго, когда мы, молясь, говоримъ: „святителю Николае, моли Бога о насъ?“

Таковъ былъ Кикинъ въ простотѣ вѣры; но ему не посчастливилось въ выборѣ боримаго правовѣрія. Жилъ-былъ въ то время въ Петербургѣ нѣкто Станевичъ, другъ и собесѣдникъ въ домѣ Кикина, человекъ благочестивый и довольно ученый, но недалежнаго ума. Его знали по одной брошюркѣ, подъ названіемъ: „О судѣ по совѣсти“. У Кикина умерло любимое дитя; Станевичъ, въ утѣшеніе сѣтующихъ родителей, написалъ для нихъ „Разговоръ о безсмертіи души надъ гробомъ младенца“. Въ немъ авторъ доказывалъ, что вѣра въ безсмертіе тогда только утѣшительна, когда основывается на обѣтованіяхъ, данныхъ святою церковью. Съ общаго совѣта рѣшили открыть наступательныя дѣйствія противъ мистиковъ изданіемъ въ раслохъ этой книжки. Это происходило въ іюнѣ 1818 года. Мнѣ вѣрно было отправляться за границу на ахенскій конгрессъ; я собирался въ дальній путь, удрученный заботами и постигшими насъ тогда семейными утратами. Кикинъ весьма жаловалъ меня, впрочемъ, мало съ нимъ знакомаго, за удачное изложеніе „Сіонскаго Вѣстника“. Онъ навѣстилъ меня предъ самымъ моимъ отъѣздомъ, разговорился о планахъ и намѣреніяхъ православной партіи, объявилъ мнѣ за тайну скорое появленіе книги Станевича и ликовалъ заранѣе, въ надеждѣ на блестящій успѣхъ. Не

мало изумился онъ, когда услышалъ отъ меня необдуманный, но вѣщій отвѣтъ:

— Берегитесь, Петръ Андреичъ, не давайте имъ воли, чтобы какъ-нибудь не пересолили отъ избытка усердія. Я давно знаю нашихъ противниковъ,—рады будутъ придратъся къ чему бы то ни было.

Кибинъ успокаивалъ меня, увѣряя, что все пойдетъ наладъ, и мы разстались.

Едва успѣлъ я доѣхать до Ахена, какъ уже пріятель мой, принявшій на себя мои дѣла въ Петербургѣ, выслалъ ко мнѣ съ курьеромъ одинъ экземпляръ только что выглянувшей изъ-подъ тисковъ книги Станевича. Содержаніе ея было чисто, благонамѣренно, но нескладно. Авторъ непрестанно удалялся отъ главнаго предмета и пускался въ погоню за разнородными воспоминаніями и мыслями; напримѣръ, рассуждая о безсмертіи души и жизни за гробомъ, онъ въ безконечныхъ примѣчаніяхъ разбиралъ мнѣнія Фенелона о чистой любви, давалъ стѣгіе выговоры госпожѣ Севинье за то, что она неправильно судила объ обращеніи Расина, и т. п. Впрочемъ, это сочиненіе, слабое, но безгрѣшное, законнымъ порядкомъ прошло сквозь рѣшето духовной цензуры и никакъ, повидимому, не могло подвергнуться захвату и сожженію. Но побочныя обстоятельства возбудили гнѣвъ лжемистиковъ. Рукопись Станевича разсматривалъ и дозволилъ печатать тогдашній ректоръ С.-Петербургской семинаріи, незабвенный архимандритъ Иннокентій, въ послѣдствіи епископъ пензенскій. На Иннокентія злились духовные крамольники за то, что, пробывъ нѣкоторое время дѣлательнымъ членомъ Библейскаго общества и комитета, переводившаго Новый Завѣтъ, вдругъ отказался отъ сихъ должностей, вѣроятно, подмѣтивъ въ товарищахъ своихъ нечистыя побужденія противъ церкви. Представился удобный случай отомстить и поссорить съ Филаретомъ, епископомъ ревельскимъ. И такъ, ухватились за книгу Станевича, подняли крикъ и шумъ, стали жаловаться на гнусную нетерпимость и главную отвѣтственность ввалили на духовнаго цензора. Съ одной стороны допрашивали праведнаго мужа, съ другой—разсылали полицейскихъ по книжнымъ лавкамъ и даже частнымъ домамъ со строгимъ наказомъ отобрать всѣ выпшедшіе въ свѣтъ экземпляры „ядовитаго сочиненія“. Министръ дѣлалъ или позволялъ дѣлать все то, что внушали ему люди, которыхъ онъ ставилъ выше себя въ богомысліи. Нелѣпую опалу простерли до того, что завели точный счетъ всѣмъ выпущеннымъ экземплярамъ, и по повѣркѣ оказалось, что у моего пріятеля не доставало одного. Стали допрашивать, и узнавъ, что этотъ экземпляръ укачалъ въ Ахенъ, обязали его подпискою возвратить бѣглеца непременно. Таково безстыдство разнузданныхъ страстей, когда онъ скры-

ваются подъ личиною благочестія! Иннокентій заболѣлъ съ горя. Преданные ему ученики съ ропотомъ вступались за своего наставника, страдавшаго безвинно, ибо, онъ не пропустилъ ничего противнаго церкви, но мистикамъ нуженъ былъ соблазнъ, дабы возстановить прежнее свое преобладаніе въ пылу безумной распри. Вражда была такъ сильна, что вмѣгъ всѣ заслуги Иннокентія преданы забвенію. Рѣшили услатъ его епископомъ въ Уфу, т. е. на вѣрную смерть, при глубоко разстроенномъ его здоровьи. Къ счастью, нашлась сострадательная душа—женская (княгиня Мещерская), которая замолвила въ пользу гонимаго доброе слово императору и назначеніе его измѣнено: ему поручили пензенскую и саратовскую епархіи. Тамъ онъ окончилъ земное поприще свое во-время для себя, но слишкомъ рано для колеблемаго православія.

Возвратившись въ Россію въ половинѣ 1819 г., я, съ дозволенія начальниковъ своихъ, остался жить въ Бѣлорусской деревнѣ, считался въ отпуску, но имѣлъ при себѣ дипломатическаго чиновника, и постоянно трудился по порученіямъ министерства иностранныхъ дѣлъ, министерства духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія. Сіе послѣднее рѣшило, въ 1821 году, окончательное изгнаніе іезуитовъ изъ предѣловъ государства. Разгнѣванный новыми попытками ихъ, Голицынъ вошелъ съ докладомъ къ государю о необходимости этой строгой мѣры, которую онъ оправдывалъ историческою запискою, написанною А. И. Тургеневымъ. Но записка годилась развѣ только на домашнее употребленіе. Надлежало оправдать изгнаніе іезуитовъ и во мнѣніи римскаго двора, съ которымъ и безъ того мы худо ладили. Государь, по обыкновенію, возложилъ этотъ трудъ на одного изъ своихъ статсъ-секретарей, а тотъ отправилъ ко мнѣ фельдъегеря, съ наказомъ переложить, перодѣть и дополнить означенную записку—для отправленія въ Римъ. Крайне торопили меня. Я выполнилъ порученіе въ одни сутки и не болѣе какъ чрезъ 10 дней громовая туча разразилась надъ іезуитами, жившими въ Оршѣ, въ пяти верстахъ отъ меня. Мнѣ больно было видѣть, какъ высылали ихъ за границу въ кибиткахъ, и запечатывали ихъ храмы и монастыри. Быть можетъ, и они тогда приписывали мнѣ новое свое злополучіе, какъ первому въ Россіи писателю, вступившему съ ними въ бой. Однако, я не питалъ никакой вражды къ нимъ, не дѣйствовалъ заодно съ лжемистиками, которые ненавидѣли меня не менѣе іезуитовъ.

Въ это самое время князь Голицынъ снова сдѣлался невольнымъ судьбою жестокой умственной распри. Она завязалась въ Педагогическомъ институтѣ отъ столкновенія попечителя Уварова съ Магницкимъ и Руничемъ. Четыре профессора, издавна покровительствуемые Уваро-

вымъ — Раупахъ, Германъ, Арсеньевъ и Куницынъ — обвинены въ преподаваніи вреднаго ученія по части философіи, исторіи, статистики и естественнаго права. Тетради ихъ были схвачены, подверглись строгому изслѣдованію, и комиссія приговорила подсудимыхъ къ отрѣшенію отъ занимаемыхъ ими должностей. Тутъ, не знаю почему, Голицынъ, не утверждая приговора, вздумалъ посовѣтоваться со мною, едва-ли не по внушенію Магницкаго. Я получилъ въ деревнѣ огромную кипу бумагъ съ требованіемъ отъ меня мнѣнія. Чего тутъ не было: и тетради профессоровъ, и журналы засѣданій, и заключенія комиссіи. Нельзя было не усмотрѣть много худаго въ этихъ лекціяхъ, для меня, впрочемъ, не новыхъ, ибо еще въ 1817 году, выслушавъ вступительную лекцію Раупаха въ Педагогическомъ институтѣ, я было заспорилъ съ Уваровымъ противъ его любимца и прямо обличилъ его вредное направленіе въ обзорѣ всемірной исторіи. Куницынъ тоже причастенъ былъ ложному ученію. Но въ судѣ надъ ними много замѣтилъ придиорокъ и еще болѣе отступленія отъ законнаго дѣлопроизводства. Обѣ стороны были неправы. Я вспомнилъ апостольскую заповѣдь: „не приобщайся грѣхомъ чуждымъ“ и, высказавъ нѣсколько замѣчаній, отклонилъ отъ себя всякое участіе въ неправильномъ судѣ.

Въ 1821 году я прибылъ снова въ столицу и опять занялъ мѣсто свое въ главномъ правленіи училищъ. У князя Голицына встрѣтилъ я впервые Магницкаго, который былъ тогда попечителемъ казанскаго учебнаго округа — послѣ продолжительнаго изгнанія и строгой опалы. Онъ тотчасъ заговорилъ со мною о составленной мною инструкціи ученому комитету, расхвалилъ ее, на что я отвѣчалъ ему, что лучшіе уставы бываютъ бесполезны, когда ихъ не исполняютъ. Магницкій пожалъ плечами и замолчалъ. Ревность моя къ просвѣщенію хладѣла по мѣрѣ того, какъ умъ, и сердце, и перо мое были заняты возстаніемъ Греціи. Я сталъ рѣже посѣщать собранія главнаго правленія училищъ. Сколько ни любилъ я князя Голицына, ходъ министерства его не нравился мнѣ и казался неразрѣшимой загадкою. Съ одной стороны, сановитый, но недалъновидный старецъ Кошелевъ управлялъ имъ какъ дядька и даже ѣздилъ вмѣстѣ съ нимъ съ докладами къ государю; а у этого дядьки съѣзжались придворные богословы, всѣ, кромѣ Филарета, — самозванцы, да разнаго рода мистики и даже магнетизеры. Съ другой стороны, православная дружина подъ хоругвью св. синода, прилежно работала противъ Голицына и тихомолкомъ подкапывалась подъ сугубое министерство духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія. Здѣсь нужно вспомнить, что оно учреждено было въ 1817 г. Въ основаніе положена была свѣтлая мысль — сочетать навсегда науку съ религіею и скрѣпить благотворный между ними союзъ по-

средствомъ единства въ направленіи той и другой. Недавно-заключенный въ Парижѣ Священный союзъ видимо отражался во вновь составленномъ обширномъ управленіи. Но отвлеченную мысль сію надлежало облечь въ видимую форму, ввести въ объемъ государственныхъ учреждений и согласить съ духомъ правительства и государства. Вотъ чего сдѣлать не сумѣли, потому что здѣсь предстоялъ вопросъ не только о сочетаніи вѣры и вѣдѣнія, религіи и науки, благочестія и воспитанія,—требовалось еще разрѣшеніе задачи болѣе осязательной, а именно: какимъ образомъ церковь и школу, т. е. разнородныя органическія тѣла, привести въ единство? Для сего придумали сложное министерство, бразды коего вручили одному лицу, доброму князю Голицыну, какъ будто возможно было основать что-либо общественное на случайной личности. И такъ, сшили платье по его росту, по его отношеніямъ къ государю и связямъ съ семействомъ царя. Этого мало. Мудрые законоположники или забыли, или притворились забывшими, что въ Россіи существуетъ господствующая церковь, около которой толпятся многоразличныя вѣроисповѣданія. Всѣ сіи разнородныя стихіи ввели въ графы новаго положенія, учредили два департамента: одинъ — духовныхъ дѣлъ вообще, другой — народнаго просвѣщенія: первый ввѣрили нетвердому въ вѣрѣ А. И. Тургеневу, а второй — малограмотному В. М. Попову. Но самая грубая ошибка, — впрочемъ, умышленная, — состояла въ томъ, что дѣла синода и дѣла терпимыхъ религій, даже мусульманства и язычества, уставили въ рядъ и распредѣлили по отдѣленіямъ и столамъ въ одномъ и томъ же департаментѣ. Наконецъ, для довершенія всѣхъ промаховъ, бывшій синодальный оберъ-прокуроръ, ставъ министромъ съ двумя бумажниками, уступилъ мѣсто свое при синодѣ другому лицу, ниже себя, князю П. С. Мещерскому; слѣдствіемъ такого необдуманнаго распоряженія было униженіе синода, ибо оберъ-прокуроръ представлялъ въ немъ уже лицо министра, а не царя и помазанника Божія, какъ то установлено было духовнымъ регламентомъ. Искра брошена была рукою коварныхъ зажигателей. Голицынъ не подозрѣвалъ ничего. Я помню, это было въ іюлѣ 1817 г. Я проводилъ лѣто на дачѣ, близъ Петергофа, гдѣ при дворѣ находился Голицынъ. При свиданіи съ нимъ, я получилъ изъ рукъ его только что отпечатанный экземпляръ образованія новаго министерства, съ примолвкою: „сдѣлайте одолженіе, прочтите со вниманіемъ и скажите ваше мнѣніе“. Не поздно-ли? подумалъ я самъ въ себѣ, въ невольномъ порывѣ самолюбія. И въ самомъ дѣлѣ, къ чему было спрашивать послѣ рѣшенія дѣла, развѣ съ тѣмъ, чтобы пожать похвалы? Несмотря на то, я прочелъ весь дѣловой романъ, и потому объявилъ искренно его сіятельству, что въ немъ есть недостатокъ, а

именно униженіе церкви, предвѣщающее нѣчто недоброе. Мои предчувствія скоро начали сбываться. Не прошло двухъ или трехъ лѣтъ, какъ уже синодъ и правительственная партія пустились въ скрытную оппозицію, и сугубое министерство съ трудомъ дожило до 1824 года. Съ 1822 г. я уволился въ безсрочный отпускъ, слѣдовательно, не былъ очевидцемъ той части борьбы, которая разрушила сугубое министерство; но многія свѣдѣнія доходили ко мнѣ, и, наконецъ, въ 1828 г., князь А. Н. — чѣмъ рассказалъ мнѣ наединѣ всѣ подробности этого событія съ рѣдкимъ чистосердечіемъ. Изъ его словъ и другихъ постороннихъ свидѣтельствъ я постараюсь составить сколько возможно вѣрные очерки дѣйствующихъ лицъ и происшествій.

Дружина православныхъ съ чувствомъ глубокаго негодованія памятовала инквизиціонную расправу надъ книгою Станевича, гоненіе, воздвигнутое на Иннокентія, его незаслуженное изгнаніе и презорство Лабзина. Она, притаившись, но сомкнувъ ряды свои, высматривала случай, дабы воздѣть противникамъ своимъ. И случаи представились сами собою по неосмотрительности главныхъ дѣятелей новаго министерства. Тургеневъ на каждомъ шагѣ давалъ чувствовать синодаламъ превосходство вѣреннаго ему департамента надъ ними. Правда, они свыклись по преданію съ ярмомъ свѣтской власти; но до тѣхъ поръ наружныя приличія соблюдались — никому до новаго учрежденія не приходило на мысль подвести подъ одинъ уровень дѣла синода, евангелической консисторіи, римской духовной коллегіи, армянъ, евреевъ, мусульманъ и шамановъ. Жестокая обида сносилъ малѣйшаго щелчка нашему самолюбію. Съ другой стороны, Поповъ брался болѣе и болѣе съ Библейскимъ обществомъ, судилъ и радилъ профессоровъ и рѣшительно не понималъ своего дѣла. Митрополитъ Серафимъ, преемникъ сладкорѣчиваго и кроткаго Михаила, взиравъ на новый порядокъ вещей не безъ справедливой досады. Однако, до времени онъ засѣдалъ въ Библейскомъ обществѣ рядомъ съ Сестренцевичемъ и разноцвѣтными пасторами всѣхъ возможныхъ вѣроисповѣданій. Здѣсь присутствовалъ и Магницкій. Секретарь Поповъ то и дѣло представлялъ обществу новые переводы библіи на разные языки и нарѣчія, только что отпечатанные на вѣру, на удачу, безъ всякой цензуры: какъ-будто возможно было обществу утвердить раздачу этихъ непонятныхъ переводовъ по какому-то обоянію, чувству или вдохновенію свыше.

Такимъ образомъ вышли въ свѣтъ калмыцкія, финскія, венгерскія, татарскія евангелія. Однажды представили засѣданію персидскій переводъ для готоваго отправленія въ Персію; Магницкій не вытерпѣлъ: объявилъ довольно рѣзко мнѣніе свое о неблагонадежности такого

распространенія слова Божія. Подняли ропоть и шумъ. Князь Мещерскій напрасно толкалъ въ бокъ Магницкаго, съ тѣмъ, чтобы онъ молчалъ. Магницкій пуще разговорился и заключилъ судную рѣчь свою противъ неразмѣрившихъ переводовъ устраненіемъ себя отъ всякаго дальнѣйшаго участія въ занятіяхъ Библейскаго общества. Никто еще не угадывалъ, откуда происходила нечаянная вспышка пламеннаго дотола ревнителя библейскаго дѣла. Вскорѣ побужденія и причины обнаружались. Бывшій ученикъ Иннокентія, іеромонахъ Фотій, подѣйствовалъ на пылкость характера Магницкаго. Этотъ непримчивый инокъ отъ всей души ненавидѣлъ мистиковъ-нововводителей и преобладаніе иноземцевъ надъ церковью почиталъ гибелью и поношеніемъ. Приписывая имъ безвременный конецъ своего наставника и пользуясь щедрымъ покровительствомъ графини Орловой, Фотій сдѣлался извѣстенъ при дворѣ, выказалъ необыкновенную смѣлость въ рѣчахъ и поступкахъ и, что было тогда важнѣе всего, обратилъ на себя вниманіе графа Аракчеева. Они сблизились. Гатчинскій вельможа, одержавъ верхъ надъ многими своими соперниками, замышлялъ въ то время паденіе князя Голицына. Къ достиженію цѣли ему нужно было превосходное орудіе, — и онъ обрѣлъ оное въ лицѣ Фотія. Надлежало ополчить митрополита и весь синодъ противъ сугубаго министерства подъ благовиднымъ предлогомъ сохраненія церкви. Фотій принялся работать и счелъ полезнымъ привлечь къ себѣ Магницкаго. Всѣ знали, что государь, въ минуту домашней скорби, призвалъ къ себѣ Фотія для полученія отъ него совѣтовъ и утѣшеній; но Фотій, вмѣсто пріятныхъ словъ, заговорилъ съ царемъ обличительно. Александръ завелъ рѣчь о постигнувшей его утратѣ дочери, а Фотій, какъ бы ничего не вѣдая, возразилъ ему, что онъ вовсе не слышалъ о великой княгинѣ. Такой жестокой упрекъ принять былъ съ удивительнымъ смиреніемъ и забвеніемъ царскаго вѣнца. Съ тѣхъ поръ Фотій сдѣлался еще смѣлѣе, и, чрезъ посредство общихъ друзей, пригласилъ къ себѣ Магницкаго. Встрѣтивъ его у дверей гостиной, Фотій, держа восковыя свѣчи въ рукахъ и съ нѣмою торжественностію, проводилъ его до приготовленныхъ креселъ. Кругомъ сидѣли почетныя дамы, въ томъ числѣ графиня Орлова. Фотій сѣлъ около Магницкаго и молчалъ нѣсколько минутъ, потомъ схватился за колокольчикъ, стоявшій на столѣ, и сталъ звонить сколько было у него силы, не проговаривая, впрочемъ, ни одного слова. Видно, Магницкій и онъ помѣнялись взорами въ залогъ взаимнаго согласія, — и негласный союзъ между ними былъ заключенъ. Послѣ этой первой встрѣчи, Магницкій уже началъ дѣйствовать открыто противъ нѣкоторыхъ распоряженій того самаго министерства, въ которомъ занималъ довольно почетное

мѣсто. Онъ, конечно, защищалъ правое дѣло, вступаясь за церковь противъ Библейскаго общества, но, съ одной стороны, порывы пылкаго характера увлекали его за предѣлы благоразумія и умѣренности: на-примѣръ, онъ обличалъ вредное направленіе въ иностранныхъ книгахъ, пропущенныхъ безъ надлежащей цензуры, вслѣдствіе чего государь повелѣлъ отобрать экземпляры этихъ книгъ, находившіеся въ библиотекѣ великихъ князей. Съ другой стороны, дѣйствуя сообразно замысламъ графа Аракчеева противъ князя Голицына, Магницкій навлекъ на себя упрекъ въ неблагодарности къ тому, кто взыскалъ его въ полузаточеніи и ввѣрилъ ему казанскій учебный округъ. Не знаю навѣрное, обращался-ли предварительно Магницкій къ своему начальнику съ указаніемъ на видимое имъ зло, или нѣтъ, — одно остается несомнѣннымъ: ревность, умъ и дарованія Магницкаго много способствовали, волею или неволею, паденію сугубаго министерства, на которое жестоко и дружно нападали Аракчеевъ, митрополитъ и весь синодъ. Ихъ усилія совпадали съ тѣмъ періодомъ жизни Александра I, когда вѣнценосный другъ человѣчества началъ понижать подъ бременемъ вліянія всемірнаго, не довѣрять себѣ и счастію Россіи. Будучи прозорливѣе вѣрнаго слуги своего, Голицына, государь въ то время примѣтнымъ образомъ склонился зрѣлою душою на сторону православія, отсталъ отъ мистики, однимъ словомъ, сдѣлался тверже и строже въ своихъ правилахъ и понятіяхъ о религіи. Прибавимъ къ тому, что политическія событія убѣждали его въ необходимости всюду поддерживать законную власть и всемѣрно противиться безначалію духовному и гражданскому. Посему неудивительно, что Александръ I рѣшился, наконецъ, уничтожить вновь созданное министерство за неуживчивость его съ церковью, и тѣмъ положить конецъ соблазнительной борьбѣ. Но, жертвуя спокойствіемъ внутреннему убѣжденію, Александръ не пожертвовалъ человѣкомъ, заслужившимъ довѣренность его. И Аракчеевъ, и Голицынъ чуть-ли оба не ошиблись, приписывая государю предразсудки и побужденія личныя, и вскорѣ развязка этой государственной драмы выказала недалекую видность враждебныхъ партій. Въ 1828 году, при келейномъ свиданіи моемъ съ княземъ Голицынымъ послѣ пятилѣтней разлуки, я услышалъ изъ устъ его любопытнѣйшія подробности о событіяхъ въ столицѣ до самаго восшествія на престолъ Николая I. Въ этой незабвенной бесѣдѣ, дошедшей до эпохи разрушенія сугубаго министерства, Голицынъ сказалъ мнѣ слѣдующее: „Съ нѣкотораго времени я замѣчалъ усиленное противодѣйствіе моихъ недоброжелателей и въ самомъ государѣ какую-то мнительность въ обсужденіи и принятіи предлагаемыхъ мною правительственныхъ мѣръ. Зная придворную жизнь и дорожа спокойствіемъ государя, я рѣшился пре-

дупредить трудное, но неминуемое объясненіе, и для сего, являсь однажды съ докладомъ, просилъ доложить о себѣ императору. Онъ болѣлъ ногою, какъ это часто съ нимъ случалось, но повелѣлъ впустить меня въ кабинетъ, гдѣ я засталъ его полулежащаго на узенькой походной кровати, съ протянутою на ней ногою. Царь, по обыкновенію, посадилъ меня у маленькаго столика. Послѣ минутнаго молчанія, я заговорилъ: „Давно уже, государь, собираюсь я съ духомъ, чтобы осмѣлиться доложить вашему императорскому величеству о желаніи моемъ уволиться отъ всѣхъ моихъ должностей: я чувствую, что на это пришла пора“.

Тутъ государь перебилъ мою рѣчь словами: „И я, любезный князь, не разъ уже хотѣлъ объясниться съ вами чистосердечно. Въ самомъ дѣлѣ, вѣренное вамъ министерство какъ-то не удалось намъ. Я думаю уволить васъ отъ званія министра, упразднить сложное министерство; но принять вашу отставку никогда не соглашусь“. Я вздумалъ настаивать. Государь возразилъ съ чувствомъ: „Нѣтъ, никогда! Вы останетесь при мнѣ, вѣрнѣйшій другъ всего моего семейства, и, кромѣ того, я прошу васъ оставить за собою званіе члена государственнаго совѣта и главное управленіе почтовымъ департаментомъ. Такимъ образомъ дѣла пойдутъ по старому и я не лишусь вашей близости, вашихъ совѣтовъ“. Всѣ мои внушенія и просьбы оказались тщетными: ничто не могло пересилить сего царственнаго: „быть посему“. Тотчасъ послѣ роковаго разговора, сугубое министерство разрѣшилось на составныя свои части, т. е. департаментъ просвѣщенія достался адмиралу Шишкову, отношенія къ святѣйшему синоду переданы оберъ-прокурору князю Мещерскому, а дѣла иностранныхъ исповѣданій сосредоточены въ одинъ особый департаментъ, которымъ до времени завѣдывалъ князь Голицынъ, а по немъ уже министръ внутреннихъ дѣлъ. В. М. Поповъ, по чувству приверженности къ Голицыну, отказался отъ должности директора по министерству народнаго просвѣщенія, а Тургеневъ, кажется, сохранилъ завѣдываніе только департаментомъ иностранныхъ исповѣданій. Мягкосердый и набожный князь Мещерскій началъ уже дѣйствовать своимъ лицомъ, какъ оберъ-прокуроръ. Но между имъ и государемъ стоялъ графъ Аракчеевъ, неизбѣжный посредникъ всѣхъ вообще докладовъ царю и, такъ сказать, необходимая, зажигательная точка, куда должны были стекаться всѣ разрозненные лучи государственнаго управленія. Одинъ лишь князь Голицынъ удержалъ свое частное вліяніе и прежнія непосредственныя отношенія свои къ самодержцу. Слѣдственно, планъ не выполнѣ не удался; зато церковь стряхнула съ себя иго туземныхъ и чужеземныхъ мистиковъ, а „Библейское общество“ начало съ тѣхъ поръ приходить въ видимый упадокъ, окончившійся при Николаѣ I совершеннымъ

уничтоженіемъ. Странно и непонятно: какъ могли и какъ могутъ доселѣ люди государственные и вмѣстѣ православные смѣшивать библейское дѣло съ Библейскимъ обществомъ, такъ что теперь опала, постигнувшая послѣднее, отразилась на первомъ. Сперва пересадили изъ-за границы на нашу почву протестантское учрежденіе, объявили оное независимымъ отъ церкви, пустились безъ разбора печатать новыя изданія и переводы библіи, мимо надзора и власти іерарховъ, запретили въ нихъ всякое истолкованіе св. текста и даже въ предисловіи къ русскому новому завѣту проговорились до того, что, сославшись искренно на мнимое одобреніе константинопольскаго патріарха, заключили предисловіе слѣдующими знаменательными словами: „читайте, умудряйтесь и спасайтесь“; ниже виднѣются подписи митрополитовъ Михаила, Серафима и Филарета. Потомъ туча нашла: громы ударили въ Россійское библейское общество, а съ нимъ прекратились дешевыя изданія ветхаго и новаго завѣта на пользу и утѣшеніе вѣрующихъ; какъ будто библейское дѣло подъ непосредственнымъ вліяніемъ синода перестало быть дѣломъ Божиимъ за то только, что общество, имъ занимавшееся, попало не въ милость! Разбили сосудъ и вмѣстѣ пролили безсмысленно хранившееся въ немъ драгоценное муро. Право, не знаю: до какихъ поръ суждено намъ младенчествовать разумомъ и мгновенно переходить отъ одной крайности въ другую, ко вреду Россіи православной.

Слабоумный, но малодушный Поповъ сдѣлался вскорѣ жертвою новаго обаянія. Онъ, живя и служа въ Петербургѣ, познакомился съ г-жею Татариновою, у которой собирались, въ Михайловскомъ замкѣ, всѣ разжалованные лжемистики, изувѣры и мечтатели столицы. Тамъ пировали они еженедѣльно духовно и тѣлесно, пѣли и богословствовали за полными кубками, подъ предсѣдательствомъ мечтательницы надменной. Но переходъ къ нимъ Попова, какъ человѣка почетнаго, сильно встревожилъ тайную полицію. Трапеза любви упразднена, гости разбѣжались во всѣ стороны, а Татаринову и Попова услали на покаяніе такъ далеко, что слѣдъ ихъ пропалъ на землѣ живыхъ. Мартынъ Степановичъ Пилецкій, одинъ изъ собесѣдниковъ г-жи Татариновой, знакомъ былъ мнѣ и покойной сестрѣ моей. Откуда взялся онъ и куда стремился—отгадать нельзя. Я встрѣчался съ нимъ нерѣдко то у князя А. И. Голицына, то въ домѣ Р. А. Кошелева; потомъ имѣлъ съ нимъ отношенія по Совѣту императорскаго человѣколюбиваго общества, въ которомъ онъ былъ секретаремъ и вмѣстѣ правою рукою П. А. Галахова, помощника главнаго попечителя. Въ этомъ кругу Пилецкій являлся замѣчательнымъ лицомъ, какъ набожный мечтатель, но весьма скромной наружности, росту высокаго, сухощавый, лицомъ блѣд-

ный и большею частію молчальникъ. Всѣ сии свойства, при хорошихъ дарованіяхъ, давали ему вѣсть и нравственное вліяніе на христіанскихъ вельможъ. Когда преобладаніе Голицына и Кошелева рушилось и Библейское общество пришло въ упадокъ, тогда за ними разсѣялась и секта Татариновой, — Пилецкому вздумалось съ горя пойти въ монастырь. Онъ искренно стремился къ внутренней жизни, но не всегда путемъ царскимъ. Надѣясь обрѣсти покой въ Валаамской обители, онъ отправился туда и не ужился въ ней. Съ тѣхъ поръ, не знаю, куда скрылся и чѣмъ окончилъ поприще свое нашъ одинокій молчальникъ. Сколько подобныхъ ему на Руси, хотя гораздо менѣе образованныхъ, которые въ то время, услышавъ гласъ вопіющаго въ пустынь сердца человѣческаго, бросились искать внутренняго освященія, не обрѣтали его, вдавались въ странныя и различныя ученія, единственно потому, что не нашли себѣ руководителей. Духовенство наше будто не примѣчало сихъ необыкновенныхъ явленій или не умѣло ими воспользоваться ко благу общества и во спасеніе душъ. Потому-то въ верхнихъ слояхъ господствовалъ мистицизмъ, дѣйствовали магнети́зеры или вкрадывались модныя богословы запада, между тѣмъ какъ въ низшихъ слояхъ роились ядовитые расколы, то гнусные, то нелѣпые, увлекаая за собою простой народъ въ бездну разврата или нечестія. Правда, нерукотворенный корабль уцѣлѣлъ; но тѣмъ не менѣе справедливо, что кормчіе спали у руля, не чуя бури и не заботясь о подводныхъ камняхъ. Я выполнилъ заданный самому себѣ урокъ, начерталь, по собственнымъ воспоминаніямъ, картину быта церковнаго и духовной борьбы въ царствованіе Александра I. Мало кѣмъ замѣченная важность и значительность сихъ событій соотвѣтствовала вселенскому значенію и всемірному значенію вѣнценосца и его державы. Плѣненный блескомъ этой эпохи, единовѣрный намъ востокъ твердо надѣялся на избавленіе свое и сокрушеніе мусульманскаго ига рукою освободителя западной Европы. Столь справедливыя ожиданія не сбылись потому только, что превратное воспитаніе юношества въ Россіи, отъ царевича до послѣдняго грамотѣя, ослабивъ въ ней духъ и начало православія, отдало насъ въ умственный плѣнъ западу и окъало нашу силу соображеніями вѣншей политики своекорыстной. Къ чему послужили высокіе помыслы души Александра I? Не издѣвались ли на западъ надъ братскимъ и христіанскимъ союзомъ, съ помощію котораго царь-христіанинъ надѣялся обновить христіанскій міръ? Потому-то неожиданная вѣсть о безвременной кончинѣ Александра выманила изъ устъ князя Меттерниха мѣткое слово: „кончился романъ, начинается исторія“. Но этотъ романъ возымѣлъ бы рѣшительную историческую развязку, если бы: повторяю еще это разъ. православіе

царя и народа не было подрито явнымъ и тайнымъ вліяніемъ заносныхъ идей и сектъ и предразсудковъ запада.

При настоящемъ многоятежномъ царствованіи, но не чуждомъ славы, много употребляли усилій для возстановленія въ Россіи православія и народности. Господствующая церковь ограждена, по наружности, отъ вліянія соперниковъ ея; но, къ сожалѣнію, плоть умерщвляетъ духъ и понятія о вѣрѣ втѣснены въ рамы одного народа, одного государства. Мы чуждаемся, по прежнему, природныхъ союзниковъ своихъ, а недругамъ потворствуемъ. Мы благопріятствуемъ 'всѣмъ видамъ и отраслямъ образованности, за исключеніемъ главнѣйшаго ея плода: свободы и независимости характеровъ. Мы посредствомъ безчисленнаго размноженія училищъ стремимъ простой народъ къ самосознанію; но вмѣстѣ съ тѣмъ отлагаемъ годъ отъ году настоящую закладку зданія, поставленнаго до времени на песокъ: я разумѣю личную и законную свободу всѣхъ безъ изыятія сословій. Впрочемъ, нельзя отрицать многозаботной дѣятельности нынѣшняго царствованія: оно собрало наши законы, сдѣлало множество вещественныхъ улучшеній, успѣло воспользоваться юношескою силою Россіи. Но въ духовномъ отношеніи оно безъ умысла и противъ воли узаконило обрядовую наружность и систематическое лицемеріе: между нимъ и явными соблазнами выборъ чрезвычайно труденъ. Далѣе этой черты, отдѣляющей прошлое отъ будущаго, вѣдомаго единому Богу, самовидецъ не долженъ простираť своихъ замѣтокъ и размышленій, ибо онъ записываетъ воспоминанія, а не пророчества.

Одесса.—Зима 1848—1849 г.

Сообщ. Профессоръ Н. И. Варсовъ.

